Алексей Беглов

# Православный приход на иноконфессиональных окраинах Российской империи: случай Финляндии

*Alexey Beglov*

**The Orthodox Parish in Non-Orthodox Border Regions of the Russian Empire: the Case of Finland**

**Alexey Beglov** — Senior Researcher at Institute of World History, Russian Academy of Science; Associate Professor, National Research Nuclear University MEPhI (Moscow, Russia). religion07@rambler.ru

*In this article the problem of the collision of different paradigms of religious and national identity in a multinational and multi-confessional Russian Empire is shown on the example of a debate about the model of the Orthodox parish in Finland. The debate revealed a conflict between the two legal systems — imperial and that of the Grand Duchy of Finland. The Finnish legislation was perceived in the Grand Duchy as a guarantee of national identity. Therefore, the question about the status of the Orthodox parish was central for the conflict between the imperial centre and the periphery, as well as the process of Finland's national determination. The paper shows that the Empire and its general religious legislation lost in this matter to the Senate and the laws of the Dutchy. At the same time, the discussion resonated the internal Orthodox debate about the improved, ideal organisation of the parish. From this point of view, the Finnish project aroused ambivalent reaction of the Orthodox. On the one hand, they rejected the Protestant influence and a too deep intrusion of the civil authorities into the life of parish community. On the other hand, the supporters of the liberation of parish from the Church-State tutelage hoped*

Исследование подготовлено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории», проект «Религия и конструкты национальной идентичности в странах Восточной Европы в XX веке».

*that a detailed description of the parish self-government, given in the Finnish project, could be extended to the rest of Empire.*

**Keywords:** Russian Orthodox Church, Church reforms, Orthodox parish, pre-conciliar discussions, Orthodox parish in Finland, the Grand Duchy of Finland, the Finnish Senate.

В этой статье мы рассмотрим проблему столкновения различных парадигм религиозной и национальной идентичности в многонациональной и многоконфессиональной империи, какой была Российская империя, на примере дискуссий, которые велись в течение ряда десятилетий вокруг православных приходов в Финляндии. Во второй половине XIX — начале XX в. православный приход оказался объектом регламентации со стороны властей Великого княжества Финляндского, прежде всего финляндского сената, причем эта регламентация явно была направлена на то, чтобы максимально сблизить устройство православного прихода в княжестве с устройством прихода лютеранского. Чем в данном случае руководствовался сенат: симпатией к Лютеранской церкви (как считали некоторые современники), стремлением защитить свои полномочия от вмешательства из Петербурга или формирующейся национальной идеей, — об этом мы поразмышляем на нижеследующих страницах.

Одновременно имперские и центральные церковные власти стремились воспроизвести в Великом княжестве именно те приходские порядки, которые имели место в остальной империи. Однако проблема заключалась в том, что эти порядки, по признанию многих современников, не соответствовали задачам православного прихода; его церковная идентичность затемнялась имперским законодательством. При этом представители российского движения за приходские преобразования с интересом наблюдали за дискуссиями в Финляндии и не прочь были применить ее опыт ко всей России. Так, православный приход в Великом княжестве оказывался в силовом поле между финляндской гражданской администрацией, светскими и церковными властями империи и сторонниками эмансипации прихода от церковно-государственной бюрократической опеки.

Финляндия была присоединена к Российской империи в начале царствования Александра I с правами самого широкого самоуправления. Фактически в недрах Российской империи впервые

была сформирована финляндская государственность. При этом во внутреннем управлении сохранилось значительное преемство с более ранним законодательством шведского периода, вплоть до того, что законотворчество финляндского сената и его делопроизводство велись на шведском языке. Великому княжеству была передана старая Карелия (в 1811 году), присоединенная к России по Ништадтскому мирному договору в первой четверти XVIII века и уже вписавшаяся в имперскую систему управления. На территории княжества оказались как православные приходы старой Карелии, так и приходы собственно в Финляндии, в том числе возникавшие в ходе роста русского, православного населения края. Однако, как писал позднее один из авторов,

> русское правительство дало Финляндии некоторые особые права и затем как бы совершенно забыло, что на этой окраине существует маленькая православная церковь, жизнь которой совершенно не организована и не вложена в какие-либо определенные рамки[1].

Действительно, никаких специальных узаконений о Православной церкви в Финляндии в первой половине XIX века издано не было. Хотя формально приходы в княжестве подчинялись Выборгскому духовному правлению, а через него — Святейшему Синоду, на деле значительную роль в управлении ими играла гражданская администрация княжества, особенно — финляндский сенат. Последний был разделен на два департамента: судебный и хозяйственный[2]. В составе именно хозяйственного департамента существовала особая «духовная экспедиция», которой, по сохранившему силу шведскому законодательству, принадлежало управление Лютеранской церковью. Однако поскольку православные приходы не были специальным образом исключены из юрисдикции сената, оказалось, что и они должны подчиняться законоположениям, созданным для Лютеранской церкви.

Прежде всего, нужно иметь в виду, что приход в Финляндии (лютеранский или православный) существовал в двойном качестве: как единица гражданского административного управления и как церковная община. Приходской священник (равно как и па-

1. *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. Гельсингфорс, 1914. С. 9.
2. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010. С. 36.

стор) должен был председательствовать на собраниях обеих единиц, причем отказаться от руководства гражданским приходом священник мог лишь по достижении 65-летнего возраста. Фактически собрание прихода как гражданской общины отличалось от собрания прихода как церковной общины только по предмету своего обсуждения: вопросы обустройства местного быта обсуждались на первом, церковные вопросы — на втором[3]. Как председатели собрания гражданской общины пасторы и священники несли обширные канцелярские и «отчасти полицейского характера» обязанности. Они вели главную церковную книгу — основу статистики края; ведали записью актов гражданского состояния (вели ведомость о крещении, о предбрачном оглашении, о вступивших в брак, об умерших); вели записи о подвергшихся административным взысканиям, о преданных суду (с указанием оправданы они или нет), о поселившихся в приходе и выселившихся, а также — инвентарную опись имущества, движимого и недвижимого, в том числе пожертвованного на благотворительные цели в границах их прихода. На ответственности пасторов и священников лежало ведение протоколов собраний гражданской и церковной общин. Кроме того, на них лежало наблюдение за правильностью выдачи хлеба из общественных магазинов и наблюдение за должниками магазинов; они также отчитывались на этот счет перед губернскими властями.

Также пасторы и священники должны были заверять годовую опись или ревизию прихожан, подпись оспопрививателя, свидетельствовать описи имущества после умерших и брать с наследников определенный процент в пользу приходских бедных. Ежегодно они должны были подавать «крайне сложную» ведомость о переменах в населении прихода и раз в десять лет еще более сложную статистическую ведомость о движении народонаселения в приходе. Духовные лица были обязаны являться «по требованию» в присутственные места для приведения к присяге; выдавать свидетельства о переходе из одного прихода в другой; сообщать губернским властям список мужчин-призывников; ежегодно сообщать управлению по призрению бедных таблицы о призреваемых в приходе; производить «публикации», то есть объявления гражданских властей. В городах они обычно прибивались к дверям, но на селе — прочитывались вслух иногда с амвона.

3. Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893. С. 62–63.

Все эти гражданские обязанности не исключали собственно церковного письмоводства. Так, православные священники, как и их собратья на остальной территории империи, вели в трех экземплярах клировые ведомости, общие книги по официальной переписке, предоставляли в Выборгское (финляндское) духовное правление[4] отчеты о школах в приходе. Эти обязанности порой приходили в противоречие с пастырским долгом священника, наносили вред его отношениям с прихожанами[5]. Так было и в Финляндии, и в России, но в княжестве еще более остро чувствовалась зависимость духовенства от светских властей. Священнослужители воспринимались как низшие чиновники гражданской администрации края, подлежащие ее контролю. Зависимость эта была тем ощутимее, что именно духовная экспедиция финляндского сената распределяла денежное довольствие приходского духовенства, определяла порядок сборов с прихожан на нужды храма и клира. Церковная администрация фактически была устранена от регулирования материального обеспечения духовенства. Понятно, что последнее в большей степени чувствовало свою связь с правительством края, чем с непосредственным церковным начальством в Выборге. В двойственной ситуации оказывалось и Выборгское духовное правление. *De jure* оно было главной начальствующей инстанцией для православных священников княжества. На деле же так же, как и они, оказывалось в зависимости от финляндского сената. Причем сенат, например, в переписке 1880-х гг. находил возможным напоминать духовному правлению, что оно «обязано исполнять» его постановления, и избрать подчеркнуто унизительный характер сношений с ним — в форме предписаний на шведском языке[6].

4. Выборгское духовное правление первоначально было подчинено митрополиту Санкт-Петербургскому. В 1859 году было учреждено Выборгское викариатство Санкт-Петербургской епархии. В 1892 году викариатство было преобразовано в самостоятельную Выборгскую и Финляндскую епархию. Ее первым предстоятелем стал епископ Антоний (Вадковский).

5. См. подробнее: *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 119–142; *Беглов А. Л.* Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX века: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014 (в печати).

6. Православная церковь в Финляндии. С. 41–42, 67–72; Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. [Типографский оттиск.] Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 27.

Первые попытки законодательно урегулировать положение Православной церкви в Великом княжестве относились к эпохе Великих реформ. В 1866 году в результате представления куопиоского губернатора в Петербурге был создан комитет под председательством обер-прокурора Святейшего Синода графа Д. А. Толстого. Но когда законодательство начало разрабатываться, сенат Княжества сделал все возможное, чтобы не уступить Петербургу инициативу в этом вопросе. Прибегая к неоднократным задержкам и проволочкам, отклоняя под разными предлогами поступающие из столицы проекты, сенат делал все, чтобы сохранить обособленность законодательства Великого княжества от общеимперского, даже в части, которая касалась православных приходов. Это означало, что соответствующие законы будут во многом, если не во всем, походить на законодательство о лютеранских церквах. Вполне естественно, что некоторые современники обвиняли сенат в симпатиях к Лютеранской церкви, в том, что он относится к церкви православной только лишь как к «неизбежному злу». Однако думается, что мотивации сената лежали в иной плоскости.

К середине XIX столетия стало ясно, что национальная идея Финляндии, ее идентичность концентрируется вокруг концепта «финляндской государственности», особого финляндского законодательства, ее «коренных законов», дарованных Александром I в 1809 году. Если в первой трети столетия эта идея казалась фантастической даже финнам, то с 1850-х гг. она входит и в местный официальный дискурс. Неслучайно и первая массовая акция финского национального движения в 1901–1904 гг. (подача «большого адреса» императору) была акцией в защиту особого финляндского закона и против закона о воинской повинности 1899 года, инкорпорировавшего военные формирования княжества в общеимперские. Принятие закона 1899 года воспринималось как «клятвопреступление» императора, как нарушение им «конституции» 1809 года. Как признавали современники, кампания по сбору подписей под «большим адресом», охватившая полмиллиона человек — 20% населения княжества, «создала единую Финляндию». «В этих условиях финляндский национализм обрел подчеркнуто легальный, конституционный характер»[7]. В ходе кампании по сбору подписей под «большим адресом» чуть ли не в каждом финском доме появились репродукции с картины ху-

7. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 96.

дожника Эдварда Истона «Нападение». На ней российский орел вырывал из рук Девы-Финляндии книгу, сборник законов, на обложке которой было начертано слово *Lex* («Закон»)[8].

Законодательство относительно Лютеранской церкви воспринималось как часть финляндских законов, а принятие особенного законодательства относительно православных приходов — как вторжение чуждого, русского элемента, как наступление на финляндские законы. Если его нельзя было вовсе не принимать, то следовало хотя бы сделать таким же, как законодательство в отношении лютеран. Последовательный консерватизм сената, который проявлялся не только в церковных, но и в других вопросах, безусловно, коренился в страхе перед русским влиянием. Также надо иметь в виду, что носителем «финляндской идеи» первоначально был именно узкий круг местного чиновничества, прежде всего — служащих сената. Но и когда эта идея уже распространилась в обществе, чиновничество по-прежнему играло важную роль в ее развитии[9]. Понятно, что

> учение о финляндском государстве, отдельном от российского государства, было фатальным, имея в виду будущее развитие отношений между странами, поскольку оно возникло и распространилось в Финляндии именно в то время, когда Россия начала трансформироваться из многонациональной династической унии в единое государство (единое и неделимое). Это учение было абсолютно несовместимым с государственной идеей, взятой на вооружение в России. Согласно этой идее Финляндия могла быть только составной частью — провинцией или областью — государства Российского[10].

В результате описанной выше тактики финляндского правительства через 17 лет после учреждения комитета под председательством графа Д. А. Толстого стало ясно, что даже он не смог противостоять настойчивости сената. В марте 1883 года на свет появилось высочайшее постановление, в котором описывалось положение духовенства и храмов православных приходов в Финляндии, утверждался штат духовного правления и причтов, регулировалось обучение детей в сельских приходах. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что в разных частях постановления 1883 года упоминались церковные сходки и советы, которые ранее никоим

8. Там же. С. 31, 95–97, 99.
9. Там же. С. 58, 72–73.
10. Там же. С. 58.

образом не были узаконены для *православных* приходов Финляндии, хотя кое-где и проводились «без всяких формальностей». Это указывало на то, что сенат, во-первых, стремился скопировать соответствующие пункты с лютеранского положения, а во-вторых, на то, что он мало сверялся с действительным положением дел, не интересовался им. Отсутствие законодательства о православных приходах становилось слишком вопиющим фактом. Почему два года спустя и началась двадцатилетняя эпопея с выработкой положения о православных приходах в Финляндии[11].

В марте 1885 года финляндский генерал-губернатор указал духовной экспедиции сената на нужду в издании особого «церковного уложения» для православной церкви в княжестве. В октябре того же года общее присутствие сената для рассмотрения этого вопроса (о необходимости отдельного законодательства для Православной церкви) образовало комиссию из сенаторов, которая заседала в течение полугода и весной 1886 года, согласившись с выводом генерал-губернатора годичной давности, поручила детальную разработку этого законодательства духовной экспедиции сената. Этот, уже известный нам орган привлек к работе председателя выборгского духовного правления прот. В. Глебова и настоятеля православной церкви в Або (совр. Турку) отца М. Казанского. Последний через двадцать лет будет членом IV отдела Предсоборного присутствия, разрабатывавшего вопрос о благоустроении прихода. Пока же в 1886 году комиссия духовной экспедиции проработала около девяти месяцев и в декабре представила в сенат свой проект, состоявший из правил о приходских сходках и советах, а также из правил о приходах. Затем в течение двух лет, в 1887–1888 гг. происходило заочное обсуждение разработанного проекта между генерал-губернатором, Выборгским духовным правлением, Санкт-Петербургской духовной консисторией и сенатом, а также исправление проекта[12].

11. Православная церковь в Финляндии. С. 59–61; Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. [Типографский оттиск.] Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 25–26; *Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии // Церковные ведомости, издаваемые при Св. Правит. Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 52. 24 декабря. С. 2285; *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 10–14.

12. *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 14–16.

В результате редакция проекта 1888 года представляла собой два дополнявших друг друга документа: проект «Высочайшего постановления о церковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии» и проект «Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии». Первый из них состоял из трех глав: I. Общие правила (§§ 1–10), II. О церковной сходке (§§ 11–36), III. О церковном совете (§§ 37–57). Второй включал 19 параграфов, из которых 14 регламентировали обязанности священников по ведению актов гражданского состояния и другой документации, связанной с гражданскими отношениями в крае[13]. Приход, согласно проектам, мыслился как территориальная единица; православные, жившие вне ее пределов, прикреплялись к тому или иному приходу в соответствии с «общим распределением», которое устанавливал по представлению духовного правления сенат Великого княжества. Оба постановления должны были придать законное существование органам приходского самоуправления — собранию (сходке) и совету, возглавляемым священником. Вводились их обязательность, регулярность созыва (не менее двух раз в год) и единообразие в практику их проведения, а также — что было особенно важно для Финляндии — устанавливался механизм взаимодействия этих органов с местной администрацией, со стороны гражданских властей давались гарантии исполнения их решений. Например, недоимки по приходским сборам взыскивались на общих основаниях магистратом или коронным фохтом (должностным лицом, исполнявшим в приходе функции полицейского).

Полномочия органов самоуправления распространялись на «общие дела» прихода, прежде всего — хозяйственные, а также на выборы церковного старосты и членов церковного совета. Приход мог формировать собственное имущество, в том числе путем самообложения, решение о котором становилось обязательным для всех полноправных прихожан. При этом компетенция собрания и совета не распространялась на «церковное имуще-

13. Всеподданнейший проект Высочайшего постановления о церковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии. [Типографский оттиск.] Выборг, в Типографии Н. А. Циллиякуса, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 1–15; Всеподданнейший проект Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии. [Типографский оттиск.] Выборг, в Типографии Н. А. Циллиякуса, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 16–24.

ство», то есть храмовое, которое, как и в России, находилось в распоряжении клира и епархиального начальства. Также приход не мог вторгаться в компетенцию «гражданских властей» и «гражданских общин» княжества. Православный приход (как и лютеранский) существовал параллельно с гражданским приходом как минимальной территориально-административной единицей, но при этом приходское духовенство обеих конфессий было глубоко вовлечено в функционирование гражданской общины.

Соотнесенность приходов и духовенства с органами местного самоуправления обусловливала систему цензов — правовых и имущественных. Поэтому далеко не все православные жители Великого княжества оказывались полноправными членами православных приходов. Так, согласно проекту, ими могли быть только православные, имеющие финляндское гражданство. Соответственно прихожане, сохранявшие российское гражданство, оказывались вне приходских институтов. Кроме того, участвовать в принятии решений на собрании по всем, в том числе имущественным, вопросам могли только те, кто платил подати в пользу гражданской общины, причем голосование осуществлялось по количеством податных единиц (такая единица называлась мантал, *manttaali*). Тем самым состоятельный прихожанин обладал большим количеством голосов. А некоторые прихожане, например наемные работники, не владевшие налогооблагаемым имуществом, вообще лишались права голоса по имущественным вопросам. В соответствии с этим разделением членов приходского собрания на две категории приходской совет должен был вести два списка: голосовой и податной. В первый входили все прихожане, во второй — платившие подати и соответственно голосовавшие и по имущественным вопросам.

Еще одной особенностью проектов было участие гражданских властей в жизни прихода. Права, предоставленные губернатору и финляндскому сенату, были довольно обширны. Губернатор должен был утверждать решения сходки относительно заключения займов, наложения сборов, изменения порядка употребления имущества, подаренного приходу. Его представитель вместе с представителем выборгского духовного правления должен был присутствовать при заключении договора между приходом и священно-церковнослужителями об их содержании и постройке для них домов. Они же должны были присутствовать на сходке, когда на ней обсуждался вопрос о разделении или создании нового прихода. На имя губернатора направлялись протесты на ре-

шения собрания и совета. При изменении границ и учреждении нового прихода, а также при учреждении, упразднении или изменении какой-либо штатной должности в православном приходе решающей инстанцией, согласно обоим проектам, выступал финляндский сенат. Перед ним возбуждало соответствующий вопрос выборгское духовное правление; сенат запрашивал мнения приходов и губернатора; он же в итоге представлял все дело на высочайшее воззрение. Тем самым сенат сохранял контроль над движением денежных средств, ведь изменения приходской сети или штатных должностей предполагали изменения в финансировании приходов, которым ведал именно этот орган администрации княжества. Но, с другой стороны, епархиальные власти оказывались на вторых ролях при решении этих ключевых вопросов церковного управления, на что обращали внимание критики проектов.

Отличие от общеимперской ситуации состояло и еще в двух аспектах. Во-первых, в том, что собрания, а иногда и советы действовали в православных приходах княжества и ранее, поскольку того требовало гражданское законодательство края. Тем самым речь шла скорее о регламентации, упорядочивании сложившейся практики, чем о конституировании новых органов самоуправления. Во-вторых, органы приходского самоуправления в Финляндии наделялись гораздо более широкими полномочиями во внутриприходской жизни, чем аналогичные органы в империи. Собственно, приходские собрания в России могли лишь избирать старосту (под надзором клира) и уполномоченных от прихожан (с 1890 года), обязанных присутствовать при проверке церковных сумм, а также одобрять новые постройки. Формально собрания должны были созываться регулярно (раз в год), но на деле это правило игнорировалось. Формировать свое имущество российский приход не мог. Церковные советы или любые иные коллегиальные органы постоянного приходского управления отсутствовали. Приходские попечительства, которые разрешено было открывать при церквах империи с 1864 года, были добровольными благотворительными организациями, но не органами приходского управления[14]. Учитывая эти обстоятельства, мы сможем

14. Подробнее см.: *Беглов А. Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг. (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: Издательство «Нестор», 2012. С. 371–388; *Беглов А. Л.* Приходские попечительства при православных церквах Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.

понять, почему финляндский проект привлек пристальное внимание тех российских общественных деятелей, которые пропагандировали идеи эмансипации прихода от церковно-государственной опеки и развития приходского самоуправления.

10 декабря 1888 года (н. ст.) сенат передал разработанный проект на высочайшее утверждение, но ему не суждено было последовать. По каким-то скрытым и от современников причинам генерал-губернатор княжества граф Ф. Л. Гейден именно в этот момент, когда судьба проекта, казалось бы, была решена, препроводил его на отзыв обер-прокурору Святейшего Синода и санкт-петербургскому митрополиту Исидору (Никольскому). Можно предположить, что такое новое рассмотрение проекта было инициировано обер-прокурором Синода К. П. Победоносцевым, который как раз в этот период с озабоченностью наблюдал за влиянием «лютеранского законодательства» на жизнь православной церкви в княжестве[15]. Для столичного митрополита анализ проекта подготовил его викарий епископ Нарвский Владимир (Шимкович)[16].

Его отзыв был критичен по отношению к разработанным проектам. Как нетрудно догадаться, главным объектом критики стала схожесть постановлений о православных приходах с законодательством о лютеранских церквах. Преосвященный называл проект «сколком» с лютеранского церковного уложения и писал, что ими на православный приход «переносятся все порядки лютеранских кирок»[17]. Более того, епископ Владимир считал, что проект представляет собой не новый закон, а только выборку из финляндского законодательства. Он активно протестовал против того, чтобы полномочными членами приходов были только финляндские граждане. Таковыми, по его мнению, должны были быть все «подданные Императора», проживающие в Финляндии и платящие приходские сборы. В противном случае такое ограничение,

15. В 1893 году по распоряжению обер-прокурора была издана анонимная книга «Православная Церковь в Финляндии», в которой был собран и соответствующим образом интерпретирован обширный материал о характере такого влияния. Готовиться это издание должно было еще в конце 1880-х гг.

16. Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. [Типографский оттиск.] Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 25–33; *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 15–16.

17. Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. С. 25–26.

справедливо замечал преосвященный, являлось бы дискриминацией. При этом автор отзыва обращал внимание на то, что выражение «финские граждане» не встречалось даже в лютеранском церковном уложении 1869 года.

Кроме того, епископ Владимир предлагал ограничить права гражданской власти в приходских делах. Он считал необходимым предоставить выборгскому духовному правлению право решать, какое именно из решений приходских собраний должно быть представлено на рассмотрение и утверждение губернатора, подробно регламентировать процедуру рассмотрения этих решений светским начальством и даже предусмотреть случаи, когда решение собрания могло проводиться в жизнь вопреки мнению губернатора. Из проекта постановления о «некоторых правилах о православных приходах» преосвященный считал необходимым исключить параграф, который описывал механизм учреждения, изменения или упразднения штатных приходских должностей, отдавая ключевую роль финляндскому сенату. Столичный викарий считал, что такой порядок ограничивает каноническую власть епископа. Причем автор отзыва допускал существование такого же порядка в отношении учреждения или разделения приходов (ведь и в остальных частях империи это контролировалось центральной церковной и светской властями), но не в отношении внутрицерковных должностей[18]. Таким образом, епископ Владимир предлагал перераспределить полномочия по контролю за жизнью православных приходов в княжестве, урезав права гражданской власти и расширив права власти епархиальной, что, по его мнению, дало бы приходам большую независимость от светской, «лютеранской» администрации.

Вообще преосвященный проводил мысль о необходимости как можно более последовательного расширения на Финляндию имперских церковных законов. Так, он выступал против введения в православных приходах княжества общих приходских книг, считая достаточным существование метрических книг и исповедных росписей. Образцом для составления правил о приходских собраниях он считал Положение о попечительствах 1864 года, в котором, по его мнению, достаточно было расширить права прихожан принимать обязательные для всех (а не только для тех, кто их принял) постановления. Он полагал важным распространить на имущество православных приходов правило испрашива-

18. Там же. С. 30–31.

ния высочайшего соизволения на его отчуждение или приобретение. Уже в скором времени, особенно в 1905–1906 гг., это правило станет объектом критики со стороны большей части епископата Российской церкви как ограничивающее ее самостоятельность и унижающее ее достоинство. Но в обсуждаемый период в Финляндии эта мера воспринималась как такая, которая может «парализовать <...> попустительство со стороны инославной власти» отчуждению имущества православных приходов или изменению его назначения[19].

Примечательно, что епископ Владимир считал сближение порядков, действующих в финляндских православных приходах, с общеимперскими и отдаление их от лютеранских залогом сохранения их *религиозной идентичности*. Он писал:

> Ради блага и преуспеяния православной церкви, православная община в Финляндии должна отличаться по своему складу и строю, даже во внешнем проявлении, от склада и строя лютеранской кирки. Пока православные финны не поймут во всей ясности и полноте различия православия от лютеранства, необходимо, чтобы они во внешнем строе и порядках прихода видели это отличие одной общины от другой[20].

При этом мы видели, что Нарвский епископ не делал различия между нормальным строем православного прихода и тем фактическим положением, в каком он находился в Российской империи, скорее даже отождествлял их. Между тем многие его современники с таким отождествлением категорически не согласились бы[21]. Понимание кризиса российского православного прихода, несоответствия того положения, в каком он находился, каноническому церковному устройству и предназначению приходской общины все прочнее входило в общественное сознание. Через десять лет это понимание будет разделять и иерархия. Однако для Финляндии «нормальный» православный приход отождествлялся с приходом имперским, Православная церковь — с церковью в импе-

19. Там же. С. 33.

20. Там же. С. 28. Ср.: Православная церковь в Финляндии. С. 76–77.

21. См., например: *Беглов А. Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 172–200.

рии, со всеми особенностями ее положения, обусловленными «государственной церковностью»[22].

Как и предлагал преосвященный Владимир, проект и его отзыв были переданы на рассмотрение съезда финляндского православного духовенства в Выборге, проходившего 20 июля 1890 года. Съезд рекомендовал прежде всего изменить терминологию проекта: заменить выражения «церковная сходка» и «церковный совет» на «церковно-приходское собрание» и «церковно-приходское попечительство». (Первое изменение было позднее принято, второе — нет.) Также съезд считал необходимым причислить к прихожанам и тех русских, кто проживает в приходе более года, зафиксировать, что протоколы собрания должны при необходимости переводиться и на язык меньшинства, подчеркнуть, что объявления гражданского характера и протоколы приходских собраний не могут читаться в церкви, а только в «приходской избе» или обнародоваться в печатном виде[23]. Рекомендации съезда находились в русле замечаний, сделанных Нарвским преосвященным, но носили более мягкий характер. Кажется, финляндское духовенство, ощущая свою зависимость от местных светских властей, делало все, чтобы обсуждение приходского проекта не носило характера конфронтации между православными клириками и светской властью края.

Однако последняя, видимо, с неудовольствием восприняла критику подготовленного проекта. На это указывали осведомленные современники. Известный публицист, автор статей по приходскому вопросу и в 1904–1905 гг. губернатор Тавастгусской губернии Великого княжества А. А. Папков писал позднее, что после получения замечаний православных властей края «сенат не усматривал со своей стороны поводов к существенным возражениям против проектированных им поправок и изменений, но, тем не менее, проекты этих законов, столь существенных для оживления приходской жизни в крае, оставались без всякого движения много лет»[24]. Когда финляндский сенат получил проект с поправками выборгского съезда, он направил его в законоподготовительную комиссию, затем, рассмотрев в общем собрании в мае 1892 года (почти через два года после обсу-

22. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996. Ч. 1. С. 21.

23. *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 16.

24. *Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии. С. 2285

ждения на съезде духовенства!), вернул проект в духовное правление. Потребовалось высочайшее вмешательство, чтобы дело с разработкой «православного устава» для православных приходов княжества получило новый импульс. В декабре 1893 года Синод на основании императорского указа предписал архиепископу Финляндскому Антонию (Вадковскому) (будущему митрополиту Санкт-Петербургскому и первоприсутствующему члену Синода) озаботиться составлением такого устава. Была создана комиссия из двух священников, членов выборгского духовного правления, которые должны были составить окончательный текст проекта с учетом поправок и замечаний съезда 1890 года, духовного правления и сенатской законоподготовительной комиссии. Результат их работы снова обсуждался летом 1894 года на съезде духовенства епархии в Сердоболе (совр. Сортавала). Затем находился на рассмотрении у обер-прокурора Святейшего Синода, снова обсуждался в финляндском сенате, получил отзыв управляющего (с 1905 года) Финляндской епархией епископа Ямбургского Сергия (Страгородского)[25].

Последний взглянул на проект более благосклонно, чем преосвященный Владимир (Шимкович). В его отзыве проводились две основные идеи. По его мнению, проектируемое устройство прихода не представляло чего-то небывалого в практике вселенской Церкви и имело довольно близкие параллели в приходском устройстве греческой церкви. А с другой стороны, подчеркивалось в отзыве, проект описывал существующий порядок вещей, давал юридическую устойчивость обычаю. По обеим этим причинам, по мнению Ямбургского викария, проект мог быть одобрен церковной властью. Как видим, епископ Сергий не рассматривал узаконивание финляндских порядков в отношении православного прихода как угрозу его религиозной идентичности и делал акцент на институтах приходского самоуправления, подчеркивая параллелизм этих институтов в Финляндии и в Греции. Судя по всему, этот отзыв и вообще позиция преосвященного Сергия были решающим обстоятельством при прохождении обсуждаемых проектов через Синод. Во всяком случае, как сторонники, так и непримиримые критики тех принципов приходской жизни, что были заложены в финляндском положении, видели именно в епископе Сергии виновника их принятия. Летом 1905 года проект был

25. *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 17–18.

разослан для отзывов епархиальным преосвященным, затем доложен в Синоде и только после этого был представлен на высочайшее утверждение, которое последовало в самый разгар революционных событий 4 (17) декабря 1905 года[26].

Несмотря на более чем 15-летний период доработки проекта, отличия между окончательной редакцией закона и редакцией 1888 года были ничтожны. Изменилась терминология закона. «Церковная сходка» стала именоваться «церковно-приходским собранием», «кассир» — «казначеем». Предложения епископа Владимира (Шимковича) и съезда духовенства 1890 года были учтены в том отношении, что к членам православных приходов в окончательной редакции причислялись не только «финляндские граждане», но и вообще все «лица православного исповедания» (за исключением военнослужащих, расквартированных в Великом княжестве частей), прожившие в пределах прихода более года. В отдельных, но незначительных деталях финляндские законы были приближены к общеимперским. Например, в список полномочий приходского собрания был добавлен пункт об избрании им двух представителей от прихода для участия в высыпке церковных сумм, как того требовала Инструкция церковным старостам в редакции 1890 года. В двух местах появилось требование к гражданским властям (губернатору и сенату) принимать решение по представленным им церковным вопросам (по займам, регулярному самообложению, изменению порядка употребления пожертвованного имущества, по открытию приходов или изменению их границ) «по сношении» с церковными властями епархиального или центрального уровня.

Наверное, самым существенным отличием финальной редакции законов от проектов 1888 года было изъятие у губернатора функций надзора «за надлежащим исполнением православными священниками в Финляндии всех служебных обязанностей, возложенных на них законами и постановлениями страны»[27]. Согласно проекту, если бы губернатор заметил «нерадение или беспорядок» в этом отношении, он должен был уведомить о том духовное правление, а если бы оно не приняло мер, донести в сенат. Учитывая, что львиная доля таких обязанностей касалась

26. ПСЗ (3). Т. 25. Отд. 1. 4/17 декабря 1905 г. № 27 005. № 27 006; *Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии. С. 2285; *Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. С. 17–18.

27. Всеподданнейший проект Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии. С. 23.

участия духовенства в функционировании гражданских общин края, в этом параграфе со всей отчетливостью был представлен взгляд на священников как на низшую категорию гражданских должностных лиц. В окончательной редакции закона этот пункт был опущен; функции надзора за духовенством остались только у выборгского духовного правления.

Но чтобы полнее понять результаты двадцатилетней дискуссии между администрацией Великого княжества и церковными властями края, стоит, пожалуй, указать на те их пожелания, которые не были учтены в финальной редакции законов. Так, в ней не нашло отражения пожелание съезда духовенства 1890 года о переводе постановлений приходских собраний на язык, понятный меньшинству прихожан. В тех или иных случаях в положении такого меньшинства могли оказаться как финны, так и русские, но в целом в уязвимом положении оказывались именно последние. К 1914 году русскоязычное население Финляндии составляло лишь около 0,2%, тогда как в городах Эстонии — около 12%[28]. Не было учтено предложение того же съезда освободить православные храмы от оглашения в них решений приходских собраний и объявлений, касающихся жизни гражданских общин края. В этом отношении храмы остались в том же положении, что и лютеранские кирхи. Несмотря на критику епископа Владимира, в православных приходах были сохранены общие приходские книги, на которых основывалась гражданская статистика княжества. Наконец, не были услышаны слова Нарвского преосвященного о том, что предоставление сенату полномочий по принятию решений об изменении, учреждении или упразднении штатных должностей в православных приходах умаляет власть епископа. Этот параграф лишь был дополнен уточнением, что соответствующее решение сенат принимает «по сношении» с Синодом. Законодатели пытались в этом случае найти баланс между полномочиями финляндской администрации и правами — абсолютно непререкаемыми, если бы речь шла об остальной территории империи, — церковной власти. Но в Великом княжестве права иерархии, законные и с точки зрения имперского законодательства, и с точки зрения канонов, отступали перед правами сената.

Представляется, что в целом сенат выиграл это противостояние. Его полномочия распределять средства православному духо-

28. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 77.

венству и принимать окончательное решение о границах приходов не были подвергнуты сомнению. Гражданские власти Финляндии сохранили почти все свои полномочия по контролю над приходской жизнью; им лишь было вменено в обязанность согласовывать свои решения с епархиальными властями, но не более того. Принципы организации православных приходов княжества и органов их самоуправления остались теми же, что были разработаны сенатом и его комиссией еще в 1880-х гг. Они же во многом, действительно, воспроизводили нормы законодательства Великого княжества, действовавшие в отношении лютеранских приходов.

Но если в Финляндии обсуждаемые постановления вели к закреплению власти гражданской администрации над православными приходами и делали их организацию похожей на организацию приходов протестантских, что воспринималось, как мы видели, как утрата ими православной идентичности, то при «пересечении» этими же постановлениями границы княжества их смысл начинал восприниматься совсем по-иному. На территории империи, где власть церковной администрации не подвергалась сомнению, а гражданская администрация была далека от контроля над низовыми церковными структурами, в глаза бросались прежде всего тщательно разработанные в финляндских постановлениях положения об органах приходского самоуправления и наделение их достаточно широкими полномочиями. В России соответствующие разделы постановления о приходском собрании и совете православных приходов в Финляндии выгодно смотрелись на фоне общеимперского законодательства. Здесь сходство постановлений с лютеранскими порядками было либо неизвестно, либо воспринималось как второстепенная деталь; угроза православной идентичности прихода не ощущалась. Напротив, финляндский проект воспринимался как такой акт, который мог бы освободить российский православный приход от оков «государственной церковности» и помог бы выявить его церковную идентичность.

Первым публично об этом заявил в 1902 году, когда оба постановления находились еще в статусе проектов, А. А. Папков. В своей статье «Необходимость обновления православного церковно-общественного строя», опубликованной в июне 1902 года сначала в «Русском вестнике», а затем отдельной брошюрой[29], он выска-

29. *Папков А. А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

зал мысль о применимости финляндских проектов, прежде всего о церковной сходке и церковном совете, для обустройства жизни православных приходов в империи. Более того, он сам предложил вариант адаптации этого проекта к российской действительности. Фактически, на базе финляндского проекта он составил свой приходской устав, который назвал «Проектом постановлений о церковно-приходском собрании и церковно-приходском совете православных приходов в России». Как и его протограф, устав А. А. Папкова состоял из трех глав с теми же названиями; он повторял практически все основные положения образца за рядом важных исключений. Проект А. А. Папкова не упоминал церковные (храмовые) средства; это было сделано в надежде, что они войдут в сферу распоряжения преобразованного российского прихода, тогда как финляндский проект выводил их из области ведения органов приходского управления. Характерно, что после утверждения финляндского проекта А. А. Папков, выступая с разбором этого акта в официальном органе Святейшего Синода, подверг критике именно это положение. Его реализация, по мнению публициста, привела бы к разобщению между прихожанами, с одной стороны, и причтом с церковным старостой — с другой, к недоверию между ними и не способствовало бы процветанию приходского хозяйства[30]. Проект российского публициста не воспроизводил систему гражданских и имущественных цензов, которыми ограничивались права прихожан в Финляндии; в нем к прихожанам были отнесены «лица православного исповедания» — как проживающие в пределах прихода, так и причисленные к нему по их желанию. Тем самым приход воспринимался не только как территориальная единица, но и хотя бы отчасти мог формироваться на добровольных началах. Контрольные функции за деятельностью органов приходского управления, которые в проектах Великого княжества были предоставлены гражданским властям, в уставе А. А. Папкова были закреплены за властями епархиальными. В 1905 году в официальном органе Синода публицист еще раз подчеркнул, что финляндские постановления «дают простор» приходской общине и являются образцом в устройстве церковно-приходской жизни для России[31]. Выше

30. *Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 52. 24 декабря. С. 2286.

31. Там же.

мы видели, что с этой же точки зрения, с точки зрения восстановления самоуправления прихода, так сказать, из российского, а не финляндского контекста рассматривал проект и архиепископ Сергий (Страгородский).

Между тем в самой России идея А. А. Папкова о возможности адаптации финляндских постановлений к российским условиям была принята далеко не всеми. Группа иерархов и интеллектуалов, довольно громко заявившая о себе при обсуждении приходского вопроса в Предсоборном присутствии 1906 года, снова заговорила о финляндских законах как об инструменте инфильтрации протестантских, лютеранских порядков в православное приходское устройство[32]. Активно по этому поводу высказывался профессор канонического права Казанской духовной академии И. С. Бердников[33]. В целом он и его единомышленники повторяли аргументы епископа Нарвского Владимира (Шимковича).

Летом 1905 года финляндский проект был разослан епархиальным архиереям Русской Церкви вместе с синодальным циркуляром, в котором преосвященным предлагалось высказать свои мнения относительно перспектив церковной реформы, кроме того, они должны были высказать свое мнение и о подготовленных финляндских постановлениях. Большинство из архиереев отнеслись к проекту благосклонно, сделав оговорки о необходимости его адаптации к российским условиям, некоторые сделали замечания и дополнения. Наибольшую критику вызвали три положения финляндского проекта: принудительность самообложения прихожан, введение имущественного ценза для участия в приходском собрании и необходимость участия светских властей (губернатора или его представителя) в приходском собрании по некоторым вопросам[34].

Особенно остро критиковали проект с южного берега Финского залива — из Рижской епархии. Причем критика эта исходила из необходимости утверждения возможно более широкого само-

32. См.: Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907. Т. 3. С. 337–338 (1-й пагин.).

33. *Бердников И. С.* О протестантском и православном приходе в Финляндии. СПб., 1908.

34. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004. Ч. 1. С. 153 (епископ Черниговский Антоний [Соколов]), 171 (епископ Волынский Антоний [Храповицкий]), Там же. Ч. 2. С. 64 (Епископ Холмский Евлогий [Георгиевский]), 133 (епископ Костромской Тихон [Василевский]), 360 (Олонецкая духовная консистория), 795–796 (епископ Приамурский и Благовещенский Никодим [Боков]).

управления прихода. 20 сентября — 6 октября 1905 года в Риге состоялся «епархиальный собор», в котором наряду с духовенством принимали участие представители приходов и братств. Собор специально остановился на финляндском проекте и высказался по его поводу. Соответствующее решение было затем буквально повторено архиепископом Рижским Агафангелом (Преображенским) в его отзыве по вопросу о церковной реформе. Представители прибалтийской епархии признавали, что права прихода должны быть закреплены в законе, и в этом отношении они положительно оценивали финляндские постановления, но при этом категорически возражали против закрепления в законе гражданского и имущественного ценза, а также — против отстранения прихожан от церковных (храмовых) средств и сумм. Участники собрания напоминали, что сословный и имущественный цензы ограничивали права прихожан и в общеимперском законодательстве — в Положении о приходских попечительствах 1864 года и в Инструкции церковным старостам 1890 года. Между тем «огромная часть православных прихожан» не соответствовала этим цензам. Особенно это было актуально для Рижской епархии, где даже в таких городах, как Рига и Ревель, православная паства состояла в большинстве из безземельных батраков, почему в соответствии с цензами «почти вся православная паства Рижской епархии ставится *вне* церкви». По этой же причине представители прибалтийской епархии возражали и против той статьи финляндского проекта, в которой значимость голосов членов приходского собрания увязывалась с размером выплачиваемых ими налогов. Они подчеркивали, что подобные положения противоречат духу христианского равенства и поэтому не находили возможным брать финляндский проект за основу будущего приходского устава даже в измененном виде[35]. Они заключали:

> И пока нынешнее отношение закона к прихожанину, и ныне существующий порядок распоряжения церковно-общественным достоянием не будут заменены совершенно противоположными, — до тех пор духовенство и староста, с одной стороны, и прихожане — с другой, будут по-прежнему взаимно считать себя друг другу чужи-

35. *Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сентября — 6 октября 1905 года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 48. 26 ноября. С. 2052–2053. Курсив в цитате — автора.

> ми, имеющими разные и едва ли не противоположные стремления и заботы; и оживления церковно-общественной жизни при таком положении ожидать было бы совершенно напрасно[36].

Более целесообразным участники собрания считали переработать Положение о приходских попечительствах 1864 года. На его основании они составили свой проект приходского устава, который просили Синод утвердить для Рижской епархии незамедлительно, «независимо от того, имеется ли в виду издать общее по сему предмету законоположение для всей России»[37].

Рижский проект был гораздо более радикален в плане утверждения приходского самоуправления, чем проект их северных соседей. Участие в приходском собрании не ограничивалось никакими цензами, кроме возрастного. Приход самостоятельно решал вопрос об участии в собрании и в органах приходского управления женщин. Собрание могло распоряжаться храмовым имуществом и суммами (но не причтовыми) и рекомендовать архиерею кандидата на священническую вакансию. Работой постоянного органа приходского самоуправления (попечительства) руководил выборный председатель, не обязательно священник. (Последнюю норму проект явно наследовал из Положения 1864 года.) В попечительство могли избираться и «не живущие в приходе лица», но их число не могло быть более половины числа выборных членов попечительства. Тем самым размывался территориальный принцип организации прихода, а принцип добровольности при его формировании приобретал большее значение. Пожалуй, единственным положением рижского проекта, которое в какой-то степени опиралось на проект финляндский, была его апелляция к гражданским властям при организации приходских сборов; эти власти должны были реализовать принудительный характер решений о сборах, принятых собранием.

Как видим, особенностью прибалтийского проекта был его отчетливый социальный пафос, заключавшийся в отказе от идеи цензов. Думается, в этом не было ничего случайного. Движение за присоединение к православию в Эстляндии и Лифляндии в середине XIX в. имело отчасти и характер социального проте-

36. Там же. С. 2052.

37. РГИА Ф. 796. Оп. 445. Д. 199. Лл. 106–110; *Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. С. 2053–2057; Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 905–908.

ста крестьян — эстонцев и латышей — против немецкого лютеранского дворянства[38]. Этот характер давал себя знать и в 1900-е гг. Поэтому и в проекте приходского устава для Рижской епархии религиозная и национальная идентичность православных эстонцев и латышей четко корреспондировала с их социальной идентичностью.

Подведем итоги. Дискуссия вокруг устава православных приходов в Финляндии во второй половине XIX — начале XX в. выявила прежде всего конфликт двух законодательных систем — общеимперской и Великого княжества. При этом, как мы говорили, именно проблема автономного финляндского законодательства находилась в центре взаимоотношений империи и княжества в этот период. Финляндские законы, финляндская «конституция» все больше воспринимались в Великом княжестве как залог национальной самостоятельности, *национальной идентичности*. Так, вопрос об уставе православного прихода оказался в самом центре конфликта между метрополией и окраиной и в самом центре процесса национального обособления Финляндии. Совершенно очевидно, что империя и общеимперское религиозное законодательство уступили в этом вопросе сенату и законодательству княжества. И это происходило в то время (в 1880–1900-е гг.), когда давление метрополии на финляндское законодательство росло, когда его обособленность начинала рассматриваться как несовершенство общеимперских институтов[39]. Однако, как мы видели, Петербург не посчитал вопрос о православных приходах для себя принципиальным, как это было, например, в случае с «продавливанием» в княжестве воинского и общего уголовных уложений и других законов. Отстаивание церковных интересов не находилось в ряду приоритетов имперской политики.

Между тем дискуссия затронула не только проблему национальной идентичности, но и идентичности религиозной, поставив вопрос, в какой степени проектируемое приходское устройство соответствует церковному, православному или лютеранскому представлению о правильном устройстве прихода. Обе законо-

38. См., например: *Гаврилин А.* «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 6/Сб. ст. под ред. *А. В. Гаврилина*. Рига, 2007. С. 11–26; *Инфантьев Б.* Янис Лацис, его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 3/Сб. ст. под ред. *А. В. Гаврилина*. Рига, 2001. С. 7–67.

39. *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. С. 84–86.

дательные системы претендовали на всестороннее регулирование сферы церковной жизни, но имели в виду различные модели этого регулирования. В Великом княжестве в соответствии с унаследованной шведской моделью религиозного законодательства, имевшего в виду прежде всего Лютеранскую церковь, предполагалась значительная включенность низовых церковных институтов в сферу гражданской жизни, выполнение ими функций местного управления и в силу этого — развитие органов приходского самоуправления и контроля гражданских властей за этими органами. В противоположность этому в империи светский и церковный бюрократический контроль за православным приходом (рассматриваемым во многом как фискальная единица[40]) предельно ограничивал полномочия сохранившихся органов приходского самоуправления. Для лютеранской традиции такая включенность в местное управление и подотчетность гражданским властям была естественна. Но для православных все это представляло проблему и выявило двойственность подходов.

Теми, кто был склонен отождествлять современное дискуссиям устройство церковной жизни в империи, саму систему «государственной церковности» с должным устройством Православной церкви, финляндские постановления воспринимались как инструмент вторжения протестантских порядков в низовую ячейку церковной православной жизни, как нарушение ее религиозной идентичности. Соответственно и любые предложения об адаптации финляндских проектов к российским условиям категорически отвергались этими иерархами, учеными и публицистами. Те же иерархи и публицисты, кто осознавал кризисное состояние православного прихода в империи и выступал за приходские преобразования, при рассмотрении финляндских проектов сосредотачивали свое внимание именно на детально проработанной системе приходского самоуправления, обращение к которой могло бы, по их мнению, помочь выявить *подлинную церковную идентичность* православного прихода в самой России.

Однако, как показала критика финляндского проекта в Рижской епархии, и с этой точки зрения он устраивал далеко не всех. В При-

40. Подробнее см.: *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2 (57). С. 56–81.

балтике, на другой иноконфессиональной окраине Российской империи, прихожане и духовенство вовсе не ощущали той двойственности в определении религиозной идентичности православного прихода, о которой мы говорили на примере Финляндии. Напротив, здесь, выдвигая довольно радикальные проекты приходских преобразований, прихожане демонстрировали единство своей и религиозной, и национальной, а также — *социальной* идентичности.

## Библиография/References

*Архивные материалы*

Российский государственный исторический архив (РГИА).

Ф. 796 — Канцелярия Святейшего Правительствующего Синода.

*Литература*

*Беглов А. Л.* Делопроизводство православного прихода Российской империи в конце XIX — начале XX века: социальный аспект // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2014 (в печати).

*Беглов А. Л.* Законодательство Российской империи о православном приходе к началу 1890-х гг. (Обзор основных законодательных актов) // Религии мира. История и современность. 2006–2010. М., СПб.: Издательство «Нестор», 2012. С. 371–388.

*Беглов А. Л.* Земские проекты переустройства православного прихода. 1860–1890-е гг. // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 172–200.

*Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II «История. История Русской Православной Церкви». 2014. № 2 (57). С. 56–81.

*Беглов А. Л.* Приходские попечительства при православных церквах Российской империи в 1890-е гг.: итоги 30-летней деятельности // Российская история. 2014. № 6. С. 104–127.

*Бердников И. С.* О протестантском и православном приходе в Финляндии. СПб., 1908.

*Варфоломеев Н.* История и современное положение православного прихода в Финляндии. Гельсингфорс, 1914.

*Васильев Аф.* Первое явление воскресающей соборности. Рижский епархиальный собор 20 сентября — 6 октября 1905 года // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 48. 26 ноября. С. 2047–2062.

*Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012.

Всеподданнейший проект Высочайшего постановления о церковной сходке и церковном совете православных приходов Финляндии. [Типографский оттиск.] Выборг, в Типографии Н. А. Циллиякуса, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 1–15.

Всеподданнейший проект Высочайшего постановления, содержащего некоторые правила о православных приходах в Финляндии. [Типографский оттиск.] Выборг, в Типографии Н. А. Циллиякуса, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 16–24.

Выписка из рапорта Преосвященного Владимира Епископа Нарвского на имя Его Высокопреосвященства. [Типографский оттиск.] Выборг, 1890 // Национальная библиотека Финляндии. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223. С. 25–33.

*Гаврилин А.* «Латышский» священник Иаков Михайлов // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 6/Сб. ст. под ред. *А. В. Гаврилина*. Рига, 2007. С. 11–26.

Журналы и протоколы заседаний Высочайше учрежденного Предсоборного Присутствия. Тт. 1–4. СПб., 1906–1907.

*Инфантьев Б.* Янис Лацис, его «Записки православного латыша» и «Летопись Адеркашской церкви» // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 3/Сб. ст. под ред. *А. В. Гаврилина*. Рига, 2001. С. 7–67.

Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Ч. 1–2. М., 2004.

*Папков А.* Новое устройство православных приходов в Финляндии // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде. Еженедельное издание с прибавлениями. 1905. СПб., 1905. Прибавления. № 52. 24 декабря. С. 2284–2286.

*Папков А. А.* Необходимость обновления православного церковно-общественного строя. СПб., 1902.

Православная церковь в Финляндии. СПб., 1893.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. (ПСЗ (3)). Т. 25. Отд. 1–2. 1905. СПб., 1908.

*Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700–1917. Ч. 1–2. М., 1996.

*Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии 1809–2009. М., 2010.

*Archival Materials*

The Russian State Historical Archive (RGIA).

F. 796 — The Office of the Holy Governing Synod.

*Literature*

Beglov, A. L. (2012) «Zakonodatel'stvo Rossiiskoi imperii o pravoslavnom prikhode k nachalu 1890-kh gg.: (Obzor osnovnykh zakonodatel'nykh aktov)» [The laws of the Russian Empire on the Orthodox parish by the early 1890s. (The overview of the main legislative acts)], *Religii mira. Istoriia i sovremennost'. 2006–2010*: 371–388.

Beglov, A. L. (2014) «Deloproizvodstvo pravoslavnogo prikhoda Rossiiskoi imperii v kontse XIX — nachale XX veka: sotsial'nyi aspect» [Proceedings of the Orthodox parish in the Russian Empire in the late 19th — early 20th century: the social aspect], *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriia»* (forth coming).

Beglov, A. L. (2014) «Pravoslavnyi prikhod Rossiiskoi imperii kak ob'ekt fiskal'noi politiki svetskikh i tserkovnykh vlastei v kontse XIX — nachale XX vv». [The Orthodox parish of the Russian Empire as an object of the fiscal policy of the secular and ecclesiastical authorities in the late 19th — early 20th century], *Vestnik Pravoslavnogo*

*Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriia* II *«Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi»* 2 (57): 56–81.

Beglov, A. L. (2014) «Prikhodskie popechitel'stva pri pravoslavnykh tserkvakh Rossiiskoi imperii v 1890-e gg.: itogi 30-letnei deiatel'nosti» [The parish council of trustees in the Orthodox churches in the Russian Empire in the 1890s: results of 30 years of activity], *Rossiiskaia istoriia* 6: 104–127.

Beglov, A. L. (2014) «Zemskie proekty pereustroistva pravoslavnogo prikhoda. 1860–1890-e gg». [Zemstvo's Projects of Reforming Orthodox Parishes in 1860–1890-s], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1 (32): 172–200.

Berdnikov, I. S. (1908) *O protestantskom i pravoslavnom prikhode v Finliandii* [The Protestant and Orthodox parish in Finland]. Sankt-Peterburg.

Gavrilin, A. (2007) "'Latyshskii' sviashchennik Iakov Mikhailov" [Jacob Mikhailov, the «Latvian» priest], *Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki.* Ed. A. V. Gavrilin. 6: 11–26.

Infant'ev, B. (2001) "Ianis Latsis, ego 'Zapiski pravoslavnogo latysha' i 'Letopis' Aderkashskoi tserkvi'" [Janis Lacis and his «Notes of the Latvian Orthodox» and «The Chronicle of the Durkalski Church»], *Pravoslavie v Latvii. Istoricheskie ocherki.* Ed. A. V. Gavrilin. 3: 7–67.

Iussila, O., Khentilia S., Nevakivi Iu. (2010) *Politicheskaia istoriia Finliandii 1809–2009* [The political history of Finland 1809–2009]. Moscow.

Papkov, A. (1905) «Novoe ustroistvo pravoslavnykh prikhodov v Finliandii» [The new constitution of Orthodox parishes in Finland], *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Sviateishem Pravitel'stvuiushchem Sinode. Ezhenedel'noe izdanie s pribavleniiami. Pribavleniia*. 52. 24 dekabria: 2284–2286.

Papkov, A. A. (1902) *Neobkhodimost' obnovleniia pravoslavnogo tserkovno-obshchestvennogo stroia* [The need to update the Orthodox ecclesiastic and social order]. Sankt-Petersburg.

*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e* [Complete collection of laws of the Russian Empire. The third collection]. (PSZ (3)). Vol. 25. Part. 1–2. 1905. Sankt-Peterburg, 1908.

*Pravoslavnaia tserkov'v Finliandii* [The Orthodox Church in Finland]. Sankt-Peterburg, 1893.

Smolich, I. K. (1996–1997) *Istoriia Russkoi Tserkvi. 1700–1917* [The History of the Russian Church. 1700–1917]. Vol. 1–2. Moscow.

Varfolomeev, N. (1914) *Istoriia i sovremennoe polozhenie pravoslavnogo prikhoda v Finliandii* [The history and the current situation of the Orthodox parish in Finland]. Gel'singfors.

Vasil'ev, Af. (1905) «Pervoe iavlenie voskresaiushchei sobornosti. Rizhskii eparkhial'nyi sobor 20 sentiabria — 6 oktiabria 1905 goda» [The first evidence of the rising *sobornost'*. Riga diocesan Counsel September 20 — October 6, 1905], *Tserkovnye vedomosti, izdavaemye pri Sviateishem Pravitel'stvuiushchem Sinode. Ezhenedel'noe izdanie s pribavleniiami. Pribavleniia*. 48. 26 noiabria: 2047–2062.

Vert, P. (2012) *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziia Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, different confessions, different religions: essays on the history of religious diversity in the Russian Empire]. Moscow.

*Vsepoddanneishii proekt Vysochaishego postanovleniia o tserkovnoi skhodke i tserkovnom sovete pravoslavnykh prikhodov Finliandii* [The project of the Highest resolution on the Church meeting and the Church council of the Orthodox parishes in Finland] [Tipografskii ottisk]. Vyborg, v Tipografii N. A. Tsilliiakusa, 1890.

Natsional'naia biblioteka Finliandii. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223: 1–15.

*Vsepoddanneishii proekt Vysochaishego postanovleniia, soderzhashchego nekotorye pravila o pravoslavnykh prikhodakh v Finliandii.* [The project of the Highest resolution that contains some rules about Orthodox parishes in Finland] [Tipografskii ottisk.] Vyborg, v Tipografii N. A. Tsilliiakusa, 1890 // Natsional'naia biblioteka Finliandii. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223: 16–24.

*Vypiska iz raporta Preosviashchennogo Vladimira Episkopa Narvskogo na imia Ego Vysokopreosviashchenstva.* [The extract from the report of his Eminence Vladimir, Bishop of Narva, addressed to His Eminence] [Tipografskii ottisk.] Vyborg, 1890 // Natsional'naia biblioteka Finliandii. Pienpainatteet IV. 1810–1944. IV. Kirkko. Ortodoksinen kirkko. Yleistä: sarjat kirjaset. 223: 25–33.

*Zhurnaly i protokoly zasedanii Vysochaishe uchrezhdennogo Predsobornogo Prisutstviia* [Records and protocols of meetings by the pre-conciliar Committee established by the Emperor]. Vol. 1–4. Sankt-Peterburg, 1906–1907.